

Tetiana Yu. KALCHENKO,

PhD in Philological Sciences, lecturer at the Department of Ukrainian Studies and Latin Language of National University of Pharmacy; Kharkiv, Ukraine; tel.: +38 093 7248248; e-mail: derivazia@yandex.ua; ORCID ID: 0000-0003-4828-2273

THE VERBALIZATION OF NATIONAL MEMORY ELEMENTS IN UKRAINIAN LANGUAGE WORLDVIEW (ON THE BASE OF A POETIC TEXT)

Summary. The paper deals with the main approaches to the investigations of the national memory actualization. It is reasonable to conduct proposed investigation in the framework of linguistic conceptology. The main ways for explored verbal actualization are the concepts and their components such as precedent phenomena, mythologems and language and cultural stereotypes. Analyzed verbal units are the object of proposed research. The subject of the research is Ukrainian poets V. Gerasymjuk, Igor Rymaruk and Dmytro Kremin's poetic texts. The result of the article is explanation of reasonability to use interdisciplinary approach as well as linguistic instruments for discovering different aspects of national memory verbalization. The national memory can be analyzed in different public discourses including poetic texts. It is necessary to conduct the complex typological, linguistic and cultural, and pragmatic analysis of the concepts which are connected to the key facts of national history.

Key words: concept, precedent phenomenon, mythologeme, stereotypes, national memory.

Статтю отримано 22.04.2016 р.

УДК 811.161.1'366'367'37:008:316.7

РАДБИЛЬ Тимур Беньюминович,

доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры современного русского языка и общего языкознания Национального исследовательского Нижегородского государственного университета имени Н. И. Лобачевского; пр. Гагарина, 23, г. Нижний Новгород, 603950, Россия; тел.: +7(831)4329051; e-mail: timur@raddbil.ru; ID ORCID: 0000-0002-7516-6705

ВОПРОС О «КУЛЬТУРНОМ ФОНЕ» НЕКОТОРЫХ МОДЕЛЕЙ И КАТЕГОРИЙ РУССКОГО ЯЗЫКА

Аннотация. *Цель* статьи — раскрыть механизмы языковой репрезентации «культурного фона» как элемента «языка культуры» этноса. *Объект* анализа — имплицитная культурно-значимая информация в единицах, моделях и категориях системы национального языка. *Предмет* исследования — некоторые словообразовательные модели и грамматические конструкции современного русского языка. В статье постулируется наличие в семантике слов, словообразовательных моделей, грамматических категорий и синтаксических конструкций особого имплицитного компонента, отражающего национально-специфичные нормы, идеалы и ценности, установки и стереотипы носителей русского языка. К таковым можно условно отнести культурные пресуппозиции — разновидность прагматических пресуппозиций (Е. В. Падучева), культурные инференции, культурные коннотации (В. Н. Телия), а также, возможно, и некоторые другие виды имплицитной информации: модальные рамки, «жизненные установки» (А. Д. Шмелёв) и пр., содержащие культурно-значимую информацию. «Культурный фон» в ряду указанных единиц является единицей имплицитной культурно-значимой информации недифференцированного, комплексного и синкретичного характера, ассоциативной, «фоновой» области «языка культуры». *Результат* исследования — для словообразовательной модели префиксально-суффиксального образования прилагательных от существительных ментальной, эмоциональной, этической или ценностной семантики (по типу *безумный* ← *ум*) выявлено наличие «фонового» культурно-значимого представления о норме как о положительном полюсе на ценностной шкале; для грамматической безлично-предикативной конструкции типа *Мне холодно / стыдно / нужно* обнаружена «фоновая» культурно-значимая идея неконтролируемости субъектом физического, эмоционального или модального состояния. *Практическое применение* результатов исследования возможно в совершенствовании разных аспектов преподавания русского языка как иностранного, а также в обогащении методологии и методики лингвокультурологических исследований.

Ключевые слова: «культурный фон», имплицитная культурно-значимая информация в языке, лингвокультурология, национально-культурная специфика русского языка.

В центре исследовательских интересов автора настоящей статьи довольно долгое время находится проблема типологии единиц языка национальной культуры [11; 12]. Ещё в работах Анны Вежицкой отчётливо выражена мысль о единицах языка как инструментах культурного освоения действительности этносом, аккумуляции и межпоколенной трансляции культурно-значимого опыта [4]. Естественным образом возникает вопрос о непосредственно языковых механизмах, которыми располагает указанный «инструментарий». Речь идёт о том, какие единицы, модели и категории языковой системы, какие особенности их речевой реализации тем или иным

образом становятся репрезентантами культурно-значимой информации. В своё время В. Н. Телия проницательно указывала на то, что большинство языковых значений так или иначе соотношены с тем или иным культурным кодом, который как-то «вычитывается» в словах и выражениях естественного языка в речевой практике этноса [14, с. 219 и далее].

В научной литературе исследовались многие из подобных единиц, но до сих пор их список остаётся открытым. Как нам представляется, назрела проблема их систематизации и упорядочения. С этой целью нами был предложен базовый критерий разграничения единиц «языка культуры» по признаку **эксплицитности / имплицитности** способов выражения культурно-значимой информации, что вполне согласуется с идеей В. Н. Телия о том, что в одних единицах культурно-значимая информация репрезентируется на денотативном уровне семантики, а в других — на коннотативном уровне, на основе рефлексивного — бессознательного или осознанного — соотношения их значения в конкретной речевой ситуации с известными говорящему культурными установками [14, с. 235].

Исходя из этого критерия, одни единицы «языка культуры» из числа обсуждаемых в научной литературе следует относить к классу репрезентантов культурно-значимой информации **эксплицитным** способом: культурные семы и культурные концепты [13, с. 14–15], культурные образы и символы [9], идеологемы, мифологемы, лингвокультуремы и другие эмические единицы. Другие же единицы являются выразителями культурно-значимой информации **имплицитным** способом: к таковым можно условно отнести культурные пресуппозиции [5; 14 и др.], культурные инференции, культурные коннотации [14], культурные ассоциации, культурные установки [14], культурные скрипты [4], культурные доминанты [7], культурные стереотипы [8, с. 178 и далее], культурный фон [9; 14] и пр.

Нас, в целях предпринятого исследования, интересуют прежде всего единицы «языка культуры» второго типа. Разного рода неявные, скрытые, имплицитные смыслы, имеющие, предположительно, культурную значимость, могут быть выявлены не только для таких традиционных объектов лингвокультурологического анализа, как ключевые лексемы и фразеологические единицы, но и для единиц других уровней языковой системы, входящих в сферу, так сказать, «языковой облигатности». К таковым единицам можно отнести словообразовательные модели, морфологические категории, типовые синтаксические конструкции и пр. Мы постулируем наличие в семантике слов, словообразовательных моделей, грамматических категорий и синтаксических конструкций особого имплицитного компонента, отражающего национально-специфичные нормы, идеалы и ценности, установки и стереотипы носителей русского языка.

Теоретическим основанием для подобного подхода, устанавливающего важность выявления именно имплицитной культурно-значимой информации, являются некоторые идеи, изложенные в монографии «Ключевые идеи русской языковой картины мира» (2005): в частности, это положение о том, что культурно-обусловленные смыслы, ключевые идеи и представления языковой картины мира этноса должны входить в значения слов и выражений в неявном виде, в их пресуппозитивную или коннотативную или импликационную часть, потому что только так носитель языка может оперировать ими, принимая их на веру, не рефлектируя и не задумываясь: «Иначе говоря, пользуясь словами, содержащими неявные смыслы, человек, сам того не замечая, принимает и заключённый в них взгляд на мир. Напротив того, смысловые компоненты, которые входят в значение слов и выражений в форме непосредственных утверждений, могут быть предметом спора между разными носителями языка и тем самым не входят в общий фонд представлений, формирующий языковую картину мира» [6, с. 9].

Поэтому важно не то, что утверждают носители языка, а то, что они считают само собою разумным, не видя необходимости специально останавливать на этом внимание. Здесь уместно привести и примечательную реплику Н. Д. Арутюновой о рекомендации аналитической философии искать истины в пресуппозициях языка, а не в эксплицитных утверждениях [2, с. 307].

Мы условно выделяем **три класса** таких единиц, в зависимости от характера имплицитной культурно-значимой информации:

(1) типы культурно-значимой информации, имплицитной области знания о мире и системе ценностей, того, что обычно именуется концептуальной системой, концептосферой, ментальностью этноса, например, культурные пресуппозиции, культурные инференции, культурные доминанты, культурные коннотации и пр.;

(2) типы культурно-значимой информации, имплицитной области речевого взаимодействия, модели коммуникации, мотивационно-прагматическую сферу этноса, того, что обычно именуется этнической психологией, национальным характером и под., например, культурные импликатуры дискурса, культурные установки, культурные скрипты, культурные стереотипы и пр.;

(3) типы имплицитной культурно-значимой информации недифференцированного, комплексного и синкретичного характера, ассоциативной, «фоновой» области «языка культуры» — это культурные ассоциации и так называемый «культурный фон».

Именно проблема выявления и квалификации такого предельно диффузного и недифференцированного репрезентанта имплицитной культурно-значимой информации, как «**культурный**

фон», и является предметом рассмотрения в данной статье. Материалом для анализа выступают некоторые примечательные явления русского языка на словообразовательном и на грамматическом уровне языковой системы.

Выявление указанной имплицитной культурно-значимой информации предполагается осуществлять посредством инструментария логического анализа естественного языка. В частности, указанные неявные, скрытые, имплицитные смыслы могут быть обнаружены с помощью анализа синтагматики (так называемых репрезентативных контекстов), парадигматики (неузуальных квазисинонимических, квазиантонимических, гиперо-гипонимических, партитивных и иных отношений), деривационного потенциала, прагматических условий реализации и пр.

Итак, в современной литературе по лингвокультурологии часто упоминается один интересный вид имплицитной культурно-значимой информации — так называемый «культурный фон». По всей видимости, имеется в виду некое синкретичное, нерелефлируемое и неverifiedируемое содержание ассоциативной природы, некая смысловая тональность или аура высказываний, либо даже целых фрагментов дискурса, присутствие которых неявным образом ощущается в коммуникативной среде этноса.

В отличие от указанных выше типов культурно-значимой информации, которые всё-таки имеют определённые модели реализации или правила вычисления, культурный фон — это то, о чём говорящие, скорее всего, даже и не подозревают. Это та информация, которая стоит за языковыми привычками коллектива говорящих на языке, которая даже, возможно, «зашифрована» и реконструируется только специальными методами анализа, по косвенным признакам. В этой связи правомерен вопрос о том, можно ли вообще как-то формализовать это понятие?

Очень перспективным в этом плане выглядит определение «культурного фона», данное В. Н. Телия: «...культурный фон — не входящие в собственно значение культурно маркированные ассоциации, проявляющиеся в дискурсе» [13, с. 14]. Безусловно, носителем подобной ассоциативной информации выступает внутренняя форма слова или фразеологизма, которые, однако, в соответствии с законом «постоянной технизации языковой семантики» [1], в рамках обыденной коммуникации не осознаются говорящими, но при определённых условиях могут быть актуализованы в дискурсе (в поэзии, в риторической коммуникации, в фонде устойчивых выражений и пр.).

Как нам представляется, можно постулировать ещё одну сферу, где имеется присутствие «культурного фона» — это сфера «языковой облигаторности», т. е. регулярные модели словообразования или грамматические модели и конструкции, в которых можно видеть рефлекс культурно-значимых представлений, установок или ценностей. В этих случаях присутствие «культурного фона» можно установить посредством комплексного внутриязыкового или межъязыкового сопоставления верифицируемых явлений с явлениями подобного типа, у которых искомым культурным «фоновым» ассоциациям не фиксируется.

Так, в русском языке имеется любопытная словообразовательная модель префиксально-суффиксального образования прилагательных от существительных ментальной, эмоциональной, этической или ценностной семантики: *безумный, бездушный, бесхарактерный, бессердечный, бессовестный* и пр., словообразовательное значение которой отличается от слов, образованных по этой же модели от существительных «недуховной» природы: *безрукий, безногий, безносый* и пр.

Так, прилагательные типа *бездушный, бесхарактерный* и др. означают не отсутствие души, характера и др. вообще, а отсутствие «хорошей», «правильной» души, характера, т. е. плохое качество души, характера и др., в рамках системы ценностей этноса. Аналогично *безумный* — обозначает не 'отсутствие ума', а отсутствие 'правильного', «нормального» ума. Это же семантическое свойство демонстрируют идиоматичные выражения типа: *У него есть характер; У него есть душа; У него есть ум*, — которые указывают не на наличие характера, души или ума вообще, а на их высокое качество.

Как нам представляется, в этом можно видеть приметы именно «культурного фона», стоящего за духовными абстрактными понятиями в русской языковой картине мира и отражающего специфическую черту устройства мира ценностей этноса, а именно восприятие нормы не как среднего показателя на шкале ценностей, а как положительного полюса на шкале ценностей. Иными словами, норма — это умный, а не «средний член» между умным и глупым. Следует различать это представление о норме в мире ценностей от представления о норме для параметрических явлений и признаков физического мира (находящейся вне зоны действия ценностей), где она как раз и составляет невербализуемый «средний член»: *высокий* — 'тот, кто выше условной нормы', *низкий* — 'тот, кто ниже условной нормы'. Поэтому мы можем говорить о *норме₁* (алетической) и *норме₂* (деонтической): о разграничении алетического и деонтического [см., напр.: 3, с. 461–477].

Наличие данного «культурного фона» верифицируется в рамках внутриязыкового сопоставления указанных производных прилагательных с прилагательными, образованными по этой же модели на базе существительных, обозначающих «физические» объекты, сущности или явления, словообразовательная семантика которых как раз включает представление об отсутствии

объекта, названного исходным существительным: *безногий* — 'без ног или без ноги', *безносый* 'без носа' и пр. Аналогичным образом ведут себя все номинации, претендующие на выражение каких-либо культурных значимостей: *безграмотный* — это не имеющий «правильной», «высокой» грамотности (в отличие от *неграмотный* — не имеющий грамотности вообще), тогда как *беспаспортный* — реально 'не имеющий паспорта'.

Наличие культурных «фоновых» ассоциаций подобного типа можно видеть также в своего рода асимметрии слов *качество* и *количество*: слово *качество* по умолчанию на самом деле обычно значит что-то вроде 'хорошее качество' (ср. *знак качества, качественный = хороший*), тогда как *количество* таким свойством не обладает, так как нерелевантно по отношению к миру ценностей.

Кроме того, присутствие некоего «культурного фона» можно ощущать за использованием в дискурсивной практике определённых грамматических моделей, например, безличных предложений с предикативом-сказуемым и дативом (типа *Мне жарко*). Так, в русской языковой картине мира существует исходная модель представления любого физического, внутреннего или модального состояния субъекта, как если бы он был пассивным объектом данного состояния (экспериментером). При этом по одной и той же схеме представлены и физическое состояние: *Ему холодно*, и внутреннее состояние: *Ему грустно*, и модальное состояние: *Ему нужно*. Иными словами, русский язык акцентирует глубинную общность всех типов того, что может случиться с человеком, на базе общего признака неконтролируемости субъектом любых своих состояний. Это единство и выступает как определённый «культурный фон», стоящий за этими моделями.

Кстати, наличие данного «культурного фона» можно верифицировать путём межъязыкового сопоставления. Так, например, в английском языке для подобных случаев обязательно выбирается активная конструкция, причём **разного грамматического характера**: *he feels cold* ('он испытывает холод'), или *he is sad* (выбрано предикативное прилагательное 'он грустен'), или *he need*, где вообще используется переходный глагол, предполагающий активное действие над объектом. Следовательно, данный культурный фон в английском языке не представлен.

Вместо заключения хочется отметить, что явления, связанные с имплицитной культурно-значимой информацией «фонового» типа, видимо, представлены в национальных языках достаточно широко: просто имеются определённые методологические трудности в их выявлении и квалификации. Мы надеемся, что предлагаемый нами путь «исчисления» данных «фоновых» явлений позволит определённым образом формализовать это трудноопределимое понятие и наметить чёткие перспективы для дальнейших исследований в этой области.

Литература

1. Абаев В. И. Язык как идеология и язык как техника [Текст] / В. И. Абаев // Язык и мышление. — Л.: Изд-во АН СССР, 1934. — Т. II. — С. 33–54.
2. Арутюнова Н. Д. Предложение и его смысл: логико-семантические проблемы [Текст] / Н. Д. Арутюнова. — М.: Наука, 1976. — 383 с.
3. Булыгина Т. В. Языковая концептуализация мира (на материале русской грамматики) [Текст] / Т. В. Булыгина, А. Д. Шмелёв. — М.: Языки русской культуры, 1997. — 576 с.
4. Вежбицкая А. Язык. Культура. Познание: пер. с англ. [Текст] / А. Вежбицкая; [отв. ред. М. А. Кронгауз]; вступ. ст. Е. В. Падучевой. — М.: Русские словари, 1997. — 416 с.
5. Волобуева Е. П. Функционирование культурно-пресуппозиционального компонента в американском рекламном дискурсе [Текст] / Е. П. Волобуева // Журнал социологии и социальной антропологии. — 2007. — Т. 10. — С. 141–152.
6. Зализняк А. А. Ключевые идеи русской языковой картины мира: сб. ст. [Текст] / А. А. Зализняк, И. Б. Левонтина, А. Д. Шмелёв. — М.: Языки славянской культуры, 2005. — 544 с.
7. Карасик В. И. Культурные доминанты в языке [Текст] / В. И. Карасик // Карасик В. И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс. — Волгоград: Перемена, 2002. — С. 166–205.
8. Красных В. В. Этнопсихоллингвистика и лингвокультурология: курс лекций [Текст]. — М.: Гнозис, 2002. — 284 с.
9. Маслова В. А. Введение в лингвокультурологию: учеб. пособие [Текст]. — М.: Наследие, 1997. — 207 с.
10. Падучева Е. В. Семантика, прагматика, референция [Текст] / Е. В. Падучева // Падучева Е. В. Семантические исследования: Семантика времени и вида в русском языке. Семантика нарратива. — М.: Языки русской культуры, 1996. — С. 221–257.
11. Радбиль Т. Б. «Язык ценностей» в современной русской речи и пути его исчисления [Текст] / Т. Б. Радбиль // Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского. — 2011. — № 6 (2). — С. 569–573.
12. Радбиль Т. Б. Основы изучения языкового менталитета: учеб. пособие [Текст] / Т. Б. Радбиль. — 3-е изд. — М.: Флинта: Наука, 2013. — 328 с.
13. Телия В. Н. Номинативный состав языка как объект лингвокультурологии [Текст] / В. Н. Телия // Национально-культурный компонент в тексте и в языке: тезисы докладов Международной научной конференции: в 2 ч. — Минск: Універсітэцкае, 1994. — Ч. I. — С. 14–15.

14. *Телия В. Н.* Русская фразеология. Семантический, прагматический и лингвокультурологический аспекты [Текст] / В. Н. Телия. — М. : Школа «Языки русской культуры», 1996. — 288 с.
15. *Шейна И. М.* Межкультурная коммуникация как проявление лингвистического и культурного опыта : автореф. дисс. ... докт. филол. наук : 10.02.20 / И. М. Шейна. — М. : МГУ им. М. В. Ломоносова, 2009. — 53 с.

References

1. Abaev, V. I. (1934), «Language as Ideology and Language as Technique», *Language and Thinking* [«Jazyk kak ideologija i jazyk kak tekhnika», *Jazyk i myshlenie*], Izdatelstvo AN SSSR, Leningrad, Vol. 2, pp. 33–54.
2. Arutjunova, N. D. (1976), *A Sentence and Its Sense : Logical-semantic Problems* [Predlozhenie i ego smysl : logiko-semanticheskie problemy], Nauka, Moscow, 383 p.
3. Bulygina, T. V., Shmelev, A. D. (1997), *Language Conceptualization of the World (on the material of Russian grammar)* [Jazykovaja konceptualizacija mira (na materiale russkoj grammatiki)], Jazyki russkoj kul'tury, Moscow, 576 p.
4. Vezhbickaja, A. (1997), *Language. Culture. Cognition. Trans. from Eng. Ed. M. A. Krongauz. Pro-lusion E. V. Paduceva* [Jazyk. Kul'tura. Poznanie. Per. s angl. Otv. red. M. A. Krongauz; vstup. st. E. V. Paduceva], Russkie slovari, Moscow, 416 p.
5. Volobueva, E. P. (2007), «Functioning of Cultural-Presuppositive Component in American Advertising Discourse», *Journal of Sociology and Social Anthropology* [«Funkcionirovanie kul'turno-presuppozicional'nogo komponenta v amerikanskom reklamnom diskurse», *Zhurnal sociologii i social'noj antropologii*], No. 10, pp. 141–152.
6. Zalznjak, A. A., Levontina, I. B., Shmelev, A. D. (2005), *Key Ideas of the Russian Language Picture of the World : Collected Articles* [Kljuchevyje idei russkoj jazykovoj kartiny mira : sb. st.], Jazyki slavjanskoj kul'tury, Moscow, 544 p.
7. Karasik, V. I. (2002), *Language circle : Person, Concepts, Discourse* [Jazykovoj krug : lichnost', koncepty, diskursy], Peremena, Volgograd, 477 p.
8. Krasnyh, V. V. (2002), *Ethnopsycholinguistics and Linguoculturology : Lektion course* [Etnopsikhologingvistika i lingvokul'turologija : Kurs lekcij], Gnozis, Moscow, 284 p.
9. Maslova, V. A. (1997), *The Introduction in Linguoculturology : The Textbook* [Vvedenie v lingvokul'turologiju : uceb. posobie], Nasledie, 207 p.
10. Paduceva, E. V. (1996), *Semantic studies : Semantics of Tense and Aspect in Russian. Semantics of Narrative* [Semanticheskie issledovanija : Semantika vremeni i vida v russkom jazyke. Semantika narrativa], Jazyki russkoj kul'tury, Moscow, 464 p.
11. Radbil', T. B. (2011), ««Language of Values» in the Modern Russian Speech and the Ways of Its Computation», *Bulletin of N. I. Lobachevski State University of Nizhni Novgorod* [««Jazyk cennostej» v sovremennoj russkoj rechi i puti ego ischislenija», *Vestnik Nizhegorodskogo universiteta im. N. I. Lobachevskogo*], No. 6 (2), pp. 569–573.
12. Radbil', T. B. (2013), *The Foundations of Study in Language Mentality : The Textbook. 3rd ed.* [Osnovy izuchenija jazykovogo mentaliteta : uceb. posobie. 3-e izd.], Flinta & Nauka, Moscow, 328 p.
13. Telija, V. N. (1994), «The Language Phraseological Compound as the Object of Linguoculturology», *National-Cultural Component in Text and in Language: Theses of the Conference : In 2 parts* [«Nomina-tivnyj sostav jazyka kak objekt lingvokul'turologii», *Nacional'no-kul'turnyj komponent v tekste i v jazyke : tezisy dokladov Mezhdunarodnoj nauchnoj konferencii : v 2-h ch.*], Universiteckae, Minsk. Part I, pp. 14–15.
14. Telija, V. N. (1996), *The Russian Phraseology: Semantic, Pragmatic and Linguoculturological aspects* [Russkaja frazeologija. Semanticheskij, pragmaticheskij i lingvokul'turologicheskij aspekty], Shkola «Jazyki russkoj kul'tury», Moscow, 288 p.
15. Sheina, I. M. (2009), *Cross-cultural Communication as Manifestation of Linguistic and Cultural Experience* [Mezhkul'turnaja kommunikacija kak projavlenie lingvisticheskogo i kul'turnogo opyta : avtoref. diss. ... dokt. filol. nauk : 10.02.20], MGU im. M. V. Lomonosova, Moscow, 53 p.

РАДБИЛЬ Тимур Беньюминович,

доктор філологічних наук, професор, професор кафедри сучасної російської мови та загального мовознавства Національного дослідного Нижгородського державного університету імені М. І. Лобачевського; пр. Гагаріна, 23, м. Нижній Новгород, 603950, Росія; тел. : +7 (831) 4329051; e-mail: timur@radbil.ru; ID ORCID: 0000-0002-7516-6705

ПИТАННЯ ПРО «КУЛЬТУРНИЙ ФОН» ДЕЯКИХ МОДЕЛЕЙ І КАТЕГОРІЙ РОСІЙСЬКОЇ МОВИ

Анотація. *Мета* статті — розкрити механізми мовної репрезентації «культурного фону» як елемента «мови культури» етносу. *Об'єкт* аналізу — імпліцитна культурно-значуща інформація в одиницях, моделях і категоріях системи національної мови. *Предмет* дослідження — деякі словотвірні моделі та граматичні конструкції сучасної російської мови. У статті постульовано наявність у семантиці слів, словотвірних моделей, граматичних категорій і синтаксичних конструкцій особливого імпліцитного компонента, що відображає національно-специфічні норми, ідеали й цінності, установки і стереотипи носіїв російської мови. До таких можна умовно віднести культурні пресуппозиції — різновид прагматичних пресуппозицій (О. В. Падучева), культурні інференції, культурні конотації (В. М. Телія), а також, можливо, і деякі інші

види імпліцитної інформації: модальні рамки, «життєві установки» (О. Д. Шмельов) та ін., що містять культурно-значущу інформацію. «Культурний фон» у ряду зазначених одиниць є одиницею імпліцитної культурно-значущої інформації недиференційованого, комплексного і синкретичного характеру, асоціативної, «фонові» області «мови культури». **Результати** дослідження: для словотвірної моделі префіксально-суфіксального творення прикметників від іменників ментальної, емоційної, етичної або ціннісної семантики (за типом *безумный ← ум*) виявлено наявність «фонового» культурно-значущого уявлення про норму як про позитивний полюс ціннісної шкали; для граматичної безособово-предикативної конструкції типу *Мне холодно / стыдно / нужно* виявлено «фонову» культурно-значущу ідею неконтрольованості суб'єктом фізичного, емоційного або модального стану. **Практичне застосування** результатів дослідження полягає в удосконаленні різних аспектів викладання російської мови як іноземної, а також у збагаченні методології та методики лінгвокультурологічних досліджень.

Ключові слова: «культурний фон», імпліцитна культурно-значуща інформація в мові, лінгвокультурологія, національно-культурна специфіка російської мови.

Timur B. RADBIL,

Grand PhD. in Philological Sciences, Professor, Professor of Department of Modern Russian Language and General Linguistics of National Research Lobachevsky State University of Nizhni Novgorod; Gagarin Av., 23, Nizhni Novgorod, 603950, Russia; tel.: +7(831)4329051; e-mail: timur@radbil.ru ; ID ORCID: 0000-0002-7516-6705

ISSUE OF «CULTURE BACKGROUND» OF SOME MODELS AND CATEGORIES IN RUSSIAN

Summary. The *purpose* of the article is to reveal mechanisms of language representation of «culture background» as element of «culture language» of ethnos. The *subject* of this study is implicit culturally significant information in units, models and categories of national language system. *The objective* of this study is some word-formative models and grammatical constructions in modern Russian. We postulate presence of particular implicit components in meanings of words, word-formative models, grammatical categories and syntactic constructions which represents national-specific norms, ideals and values, sets and stereotypes of native speakers. Such types of nationally conditioned implicit cultural information as cultural presuppositions and cultural inferences, cultural connotations and cultural sets as well as so-called «cultural background» are considered in the work. Among all of them, «cultural background» is the most non-differentiated, complex and syncretic unit of implicit culturally significant information, of associative, «background» sphere of «culture language». The *finding* of research is the following: for prefix-suffix word-formative model of adjectives from nouns with emotional, moral or axiological semantics (*bez-um-n-yi ← um*) presence of «background» notion of norm as positive pole on axiological scale is detected; for grammatical impersonal-predicative construction *Мне холодно / стыдно / нужно* «background» implicit culturally significant idea of non-controlling of any proper physical, psychic or modal states is investigated. The *practical value* of the research is to use the results of it to optimize various aspects of teaching Russian as foreign language, as well as to improve theory and methodology of linguoculturological research.

Key words: «culture background», implicit culturally significant information in language, linguoculturology, national-cultural specificity of Russian.

Статтю отримано 20.02.2016 р.

УДК 811.161.1'373.422'42:241.4/.5

САЙГИН Вадим Викторович,

кандидат филологических наук, проректор по экономическому и инновационному развитию, первый проректор Национального исследовательского Нижегородского государственного университета имени Н. И. Лобачевского; пр. Гагарина, 23, г. Нижний Новгород, 603950, Россия; тел.: +7(831)4623005; e-mail: secretar@ahch.unn.ru; ORCID ID: 0000-0003-0542-1106

АНТИНОМИЯ «ГРЕХ»—«ДОБРОДЕТЕЛЬ» В КОНЦЕПТУАЛЬНОМ ПОЛЕ «ГРЕХ» РУССКОЙ НАЦИОНАЛЬНОЙ КОНЦЕПТОСФЕРЫ

Аннотация. *Цель* статьи — дать комплексное лингвокультурологическое описание языкового воплощения антиномии «грех»—«добродетель» в современном русском языке. *Объект* анализа — концептуальное поле «грех» в русской национальной концептосфере. *Предмет* исследования — концептуальная связка «грех»—«добродетель» и её языковая объективация в русском языке. *Материал исследования* — Национальный корпус русского языка. В *результате* проведённой работы рассмотрены особенности концептуального содержания устойчивой квазиантонимической концептуальной связки «грех» — «добродетель» в